

Привет через восемь лет

Иван Ильич мужик у нас на заводе. **Иван Степанович ХМЕЛИНИН**. Был он из семьи середняков. Это значит, не из бедных, но достатка большого не имел. Семья большая, трудовая. Работать приходилось много, а достатку было мало. Но отец его, Степан, всё же выучил сына: окончил он четыре класса церковно-приходской школы. По тем временам, если человек умен читать и писать, уже считался грамотным. Но времена были лихие – революция, гражданская война, а после разгрома заводы не работали. После засухи в 1921 году был страшный голод. Отца его уняли бешен в гражданской войне, да так он там и скончался.

К тому времени было Иванову 13 лет. Вот и пришлось ему с малых лет зарабатывать на хлеб. А как зарабатывать? Дня взрослому мужиков работы не было, а тут подросток. Но, несмотря на то, рос он крепким, смекалистым парнем, физической работы никакой не боялся. В те времена земля кормила людей, если её правильно содержали и обрабатывали. Землю пахали, сажали картошку, рыхлили, сажали овёс да рожь, рубили дрова в лесу. А как заканчивалась посевная, мужики отправлялись в лес, собирались в артели и добывали что-то кашеи, а кто и золото. Известно, что земля наша уральская богата. Вот и пошёл Иван в старательскую артель, мужики копали шурфы, добывали песок и возили его на речку. А там, на речке, строили заграды, в середине делали проходы для воды, и ставились бутары. Бутарой такой желоб из досок, в конце его клали железные листы с отверстиями, как большое сито, а под ними ящик.

Вот открывают воду, она бежит по желобу, а в это время бросает песок. Вода размывает его и уносит с желоба, а вода приносит над ситом, то часики, которые потерялись, проваливаются в отверстия. Затем воду закрывают, снимают железные листы и смотрят, что же осталось в ящике и есть ли там золото. Если золото попадалось, то ямку эту, откуда песок брали, начинали копать ещё глубже, пока золото не законится. Работа эта была тяжёлая: постоянная сырость, мокрота. А когда золота попадалось мало, артель распалась: кому охота работать заармом?

Года через четыре советская власть призвала Ивана в армию. К тому времени он окреп, вырос. Роста он был высокого, телосложения крепкого, в плечах косяк сажень, ситуация недожирания. Определили Ивана в артиллерию, а туда брали тогда только крепко сложенных, и чтоб грамотный был обучен. Службу он проходил скармом в Чебаркуле, а потом стал старшим ездовым. И то сказать: грамотным да смекалистым везде у нас дорожно.

После армии присмотрел он у нас в городе девушку, роста небольшого, но красивая шибко да работница была, из семьи Ильи Васильевича и Адактыи Алексеевны Птухиной. Девчона была в семье старшая, звали её Таисья. Семей у них была большая: за Таисией шёл Иван, за ним Мария, а за ней Ольга. Жили они бедно. Илья Васильевич в 1921 году умер от голода, а без мужа семье приходилось трудно очень. Кормилицей и став Иван Птухин, которому у то время 12 лет всего было. Работал он на своей пошадке, то в артели старательской, то в лесу всовил брёвна. Вот из этой семьи и взял Иван Хмелинин себе жену.

После гражданской войны стали понемногу на ноги вставать, начал свою работу и химический завод. Всё водородосжигание состоялось на трубах, из которых да ключиков. Чистота была в прудях стояла на первом месте – это были питьевые водоёмы. Поэтому встал вопрос под-

питки Верхнего пруда водой из Глубоководного. Пруд этот построен ещё до революции, но вода из него в Верхний пруд не текла. Выполнена топографическая съёмка, определили, что устье реки Глубокой на восемь метров ниже уровня воды в Верхнем пруду. Тогда и решено было пробить тоннель-штрек. Вот на эту работу и пошёл Иван Степанович со своим сыном. Работал он на совесть, грамотно вёл себя с товарищами, его уважали, за что и назначили десптиком. Десптики повые бригады бузет, как мастер по-перерешему.

Работа была физическая, простая: грузил на телугу землю, которую вытаскивают из штрека, и отвозил в лес подальше, чтобы не мешалась, грузили и подвозили крепкий лес к штреку.

Иван мужик сообразительный был. Смотрит: вроде, песок пошёл. Он к проруби: «Михайлыч, нехаль ли попробоват песочко-то этот промывать, вагит да золото пойдёт». Тот на него думал и говорит: «Попробуй, конечно, да только где ты воды найдёшь?». Чтобы промывать песок, воды много надо, а в пруду уровень воды очень низкий стал. А Иван в ответ: «Да ты только «доброе» дай, а остальное я сам всё организую». Вот и устроили на речке Светлой заграду – рямные там золото мыли, заграду почти сохранилась, но золото не пошло, и забросили всё. С мужиками заграду подлатали немного и поставили там бутару, завалили песок, промывали его. На первый раз прораб сам всё посмотрел, но золота проба не показала, на что прораб сказал: «Ничего зря маяться – нет тут ничего, бросать надо». Иван с дружкой своим Василием вече-

ром пошёл к старшине, соседу-старателю, всё ему рассказал. Тот и говорит: «Ладно, завтра пойдёж к вам, посмотрю, что да как, а вы завезите песку побольше». Так и сделали. Когда поехали домой, каждую телугу загрузили песком, привезли к заграде, свалили – и в Полеской. Когда старик пришёл, посмотрел всё, дал несколько дальних советов, стали они промывать. Первые результаты ничего не дали, но старик не унимался: он, видите ли, нашёл следы какого-то металла, но золота определённо нет. Что делать: нет – так нет. Вот и оставили всё, а через неделю начали новый шурф бить, больше прежнего, метров 10-12. Иван мужичком сказал, как домой поведут, песок завезти по пути. Так и сделали, а вечером они с дружкой Василием остались, промывать. Когда вскрыли, серёнький металл нашли. Собрали его – и к соседу-старателю. Тот посмотрел, кислотой попробовал и определил, что нашёл они платину. А платина дороже золота. Ещё старик сказал: «Платину я мыл только на Омутинке, а больше за всю жизнь не попадалась она нигде. Только сами посудите: вы песок доставите с глубины 8-10 метров, неважно с такой глубины добывать». Посоветовались они с Василием и решили разобрать бутару, а песок туда попутно завозили и в ящик сваливали.

А когда Иван строиться стал, стали нужны деньги. К тому времени работы по штреку уже закончились, и перешли они на другую работу – лес стали возить. А по выходным собираются с Васильей и на Светлую. Коней пугает ластиса, а сами за работу – песок промывать по-технику. Намокот – и к соседу-старателю. «Бурчунай», – говорит. Он смекает золотоскупу. Так, конечно, интересовались: «Где взять?». А он отвечает: «Да вот на Омутинку съезди, намыл немного, а больше там нет». Вот на эти денюжки и построил Иван добротный дом на три окна и даже швейную машинку для своей Таисьи справил. А тут и ребятишки народились: две дочери, да три сына.

Или семья небогато, но достаток был. Работать приходилось много и хлопотна. Таисья на своей швейной машинке шила сосадам и знахаркам. Работница была женщина, ведре успевала: да и ребятишек надо было поднимать. Тяжёлое было время, а тут и война грянула. Забрали Ивана в армию. На прощанье, уезжая, жене наказ такой дал: «Как бы тяжело тебе ни было, скотину не бросай, семью поднимай, ребятишек береги, а если совсем невозможно тебе будет, перенервай крышу». Крыша была песчаная. Уехал Иван на войну, а через год «покорона» пришла. Потгоревала Таисья, да куда денешься – жить-то надо. Двоим детей она похоронила, а трох, постарей, на ноги подвела. Закончилась война, жила потихоньку налаживаться стала. Но жить всё равно тяжело было, голодно. Выжила семья в основном за счёт коровьей сосой да картошки с огорода. А корову держали, значит, сена надо собирать, а ещё привезти на «бы-то. Лошадки у частников мало было, да и дорого это, а если не работнешь, где деньги взять? Вот и приходилось сено вывозить на коровы. Сено-то швавели, а корова молока не стала давать. А молоко как налог сдавали – ребятишкам совсем ничего не оставалось. Когда корова отелалась, решила Таисья бычка оставить – на следующий год попарест и можно будет на нём сено и домишки возить, а коровенку не мять. Бычка оставила, а через год налог на молоко увеличили, говорят: «У тебя две коровы, значит, и налог плати больше». А тут ещё крыша прохудилась. Крышу не поправишь – дом испаришь.

Ишла Таисья к брату своему: «Иван Ильич, выручай, крыша пропала, протекать начинают, может, поможешь?». – «Да ведь мне одному-то не справиться будет. Ладно, схожу к Павлу Ивановичу, вдвоём поможем тебе». Пришли вдвоём, крышу раскряжили за день. Когда дошли до переднего прямого угла, увидели Иван пухрык под стропилом, небольшой, но тяжёлый, трёхгранный, хорошо замечатный. Открыли пухрык, а там песок серёнький. Иван Ильич работал со старателями и сразу определил, что это платина, «Чту захватил на сегодня, пойдём обрадуем Таинку (так брат звал свою сестру)». Слезли с дома и кричат: «А ну-ка, Таинка, наливай бражку, привет тебе от Ивана Степановича принесли». «Да что, мужики, шутите?» – ажукта Таисья. «Нет. Вот какой подарок Иван тебе с ребятишками послал через восемь лет», – показал находку брат.

Иван Ильич знал, что платину и золото сдают на право расколки, без такого договора посчитают тебя нарушителем закона. «Слава, что нашла, что муж справил, а мы вдвоём подтвердим слова твои, но всем скажи, что мало нашла, иначе оберуют», – посоветовал Иван Ильич.

На следующий день Таисья Ильичична сходила и сдала платину в «Уралзолото». Там, конечно, объяснили: раз нашёл – это клад, значит, и потожено тебе 25%. Но и того, что досталось Таисье, хватило, чтобы крышу покрыть новым тёмсом, налог заплатить да ребятишкам по штанишкам да рубашонкам купить. Сказывали, что дружок Ивана Василий – поговорука у него была «мысло в рот» – бывало, пропадал куда-то ненадолго, дня на два-три, а потом появлялся с деньжонками. Он не забыл, где они песок с Ивановым свалили, вот и пользовался потихоньку, но жадничал. Но никому никогда ничего не рассказывал и не показывал, только в усяи умекался и говорил: «Да вот бог послал».

Владимир ПТУХИН